

☞ Лондонская премия представляет писателя ☞

ДЖАСУР
ИСХАКОВ

ГОЛУБКА
РАССКАЗЫ

Джасур Ильхамович Исхаков
Голубка
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51406579

Голубка: рассказы / Д. Исхаков: Интернациональный Союз писателей;

Москва; 2020

ISBN 978-5-00153-182-1

Аннотация

В сборник «Голубка» вошли рассказы Джасура Исхакова, созданные в разные годы. Как и в жизни, в историях его разноликих героев причудливо переплетены чувства радости и грусти, мечты и надежды, предательство и любовь. Но все рассказы полны света и улыбок.

Рекомендуется для широкого круга читателей.

Содержание

Людей неинтересных в мире нет...	8
Пушкин	14
Мясо по-гречески	24
Дирижёр	37
Голубка	43
Осенние паутинки любви	56
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джасур Исхаков

Голубка: рассказы

Лондонская премия представляет писателя

© Д. Исхаков, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

ИСХАКОВ ДЖАСУР ИЛЬХАМОВИЧ

Сценарист, кинорежиссёр, театральный драматург. Лауреат Государственной премии Узбекистана. Член Союза кинематографистов Узбекистана.

Родился в 1947 году в г. Ташкенте.

Окончил Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Островского и Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР.

По сценариям Д. Исхакова поставлены художественные фильмы «Кто красит редиску?» («Ясные ключи»), «В стремнине бешеной реки» (2 серии), «Прощай, зелень лета!..» (совместно с Э. Ишмухамедовым), «Шок» (2 серии), «С любовью и болью» (4 серии) совместно с Э. Ишмухамедовым и О. Агишевым), «Взлёт разрешается», «Отчий дом» и др.

Автор сценариев и режиссёр фильмов «Останься!..», «Проклятие золотого коня», «Охота для настоящих мужчин», «Приключения в стране Чатранга», «День истины».

Автор сценариев и режиссёр более тридцати пяти документальных, одиннадцати мультипликационных фильмов.

Театральные пьесы Д. Исхакова: «Продаётся на слом», «Мардикор», «Сны о старом Ташкенте». «Сатурналии – праздники для рабов», «Пончики для Анжи» и другие.

Автор более тридцати рассказов. Сотрудничает с журналами Узбекистана, России, США, Австрии, Казахстана. Рас-

сказу «Восьмой раунд с Робертом Тейлором» присудили 1-е место на Международном конкурсе «Литературная Вена». Диплом Ассоциации русскоговорящих авторов в Австралии и Новой Зеландии. В 2016 году рассказы Д. Исхакова «Дирижёр» и «Голубка» включены в сборник «Издательства АСТ» Санкт-Петербурга. В 2017 году вышел в свет сборник рассказов «Сны о старом Ташкенте». В 2019 году изданы две повести: «Асик, или Сны о старом Ташкенте» и «Короткое, как вздох, прощай...»

Людей неинтересных в мире нет...

Эту строчку Евгения Евтушенко я вспоминал, читая замечательный сборник рассказов «Деспот ты мой восточный!» Джасура Исхакова, известного узбекского киносценариста и режиссёра. Мне очень приятно сказать несколько слов об этой книге, которая не только с поразительной и щемящей точностью передаёт настроение и атмосферу ушедшей эпохи, но и заставляет нас задуматься, что, на мой взгляд, более важно и глубоко, – о тех, кто нас окружает в повседневной жизни, о вечных ценностях и их непостижимой, нерасторжимой животворной связи с человеческими судьбами. Выражение «атмосфера времени», к сожалению, давно уже превратилось в расхожее клише, а между тем умение воссоздать прошлое со всеми его живыми деталями, с его языком, музыкой и пейзажами дано далеко не каждому. И здесь мало только писательского мастерства, которое у автора этой книги, вне всяких сомнений, очевидно. Но кроме этого присутствует и другое: подлинное понимание и самого описываемого времени, и тех людей, которые в нём жили и определяли его лицо.

В рассказах Джасура Исхакова перед взором читателя предстаёт целая галерея персонажей, ярких, интересных, самобытных. Иногда странных, иногда не очень приятных, но всегда при этом убедительных, заставляющих испытывать

разные эмоции, сопереживать, вспоминать своё собственное прошлое. Потому что каждый из нас сталкивался в жизни с похожими характерами. И каждый не раз оказывался перед выбором, как это случилось с героем рассказа «Крыса». И, наверное, все мы хотя бы раз в жизни видели на городских улицах таких людей, как герои рассказов «Дирижёр» или «Пушкин». Мне бы особо хотелось отметить трогательную чуткость и внимательность автора к простым, незаметным людям, которых по давней традиции русской литературы почему-то принято называть «маленьким человеком». На самом деле в каждом таком незаметном и «маленьком» человеке всегда есть свои неизжитые драмы и трагедии, свои тайны и несбывшиеся большие надежды. И когда читаешь рассказы Джасура Исхакова, понимаешь это очень ясно.

Каждый рассказ сборника – это, по сути, небольшой сценарий короткометражного фильма, где есть завязка, интрига и кульминация. Но главное, в небольшом сюжете автор умеет пронзительно точно показать всю линию жизни своих героев, их судьбы, изломанные жестокой эпохой («Стол, как у Льва Толстого»). Но, несмотря на все испытания, они сумели сохранить в себе человечность, надежду и отчасти даже любовь к жизни, какой бы страшной она порой ни была. Автор буквально погружает нас в эти человеческие истории, мы видим живые картины, слышим голоса и даже интонации персонажей и чуть ли не с первого «кадра» начинаем им сопереживать и симпатизировать. Вообще, умение сочув-

ствовать своим героям, сострадание к людям, стремление не осуждать их, а понять глубинную мотивацию их поступков – это те качества, которые делают написанный текст не просто увлекательным чтивом, а чем-то более значимым, «очеловеченным». И лучшие образцы мировой классики были наполнены именно этим мироощущением.

Многие истории носят автобиографический характер. Погружая нас в прошлое, атмосферно точно воссоздавая утраченное «прустовское» время, автор нежно и пронзительно передаёт тончайшие переживания первой влюблённости, всю эту удивительную гамму подростковых чувств, от восторга до разочарования и отчаяния (рассказы «Леди Гамильтон», «Мясо по-гречески», «Осенние паутинки любви»). В рассказах сборника прекрасно передано мироощущение тех лет: свежесть, чистота отношений, острота восприятия жизни...

Нельзя не отметить и то, что практически каждый рассказ наполнен, помимо сюжетного стержня, ещё и глубинным символизмом. Героиня рассказа «Голубка», как птица, совершает свой последний полёт, чтобы погибнуть на взлёте, лицом к небу, ощущая последнюю свободу выхода в безграничное пространство, где не будет земных страданий и ужасов. Герой кафкианского по настроению рассказа «Стол, как у Льва Толстого» всю жизнь носит в себе образ большого стола, как некую опору, которая помогает ему выжить и не сломаться окончательно (потому что надлом в нем уже про-

изошёл). Стол классика – как символ вечно ускользающей, но не исчезающей окончательно надежды, как поразительная метафора несбыточного. И на самом деле, если вдуматься, так и ненаписанный роман Баратова, который представляет собой всего лишь пачку чистой бумаги с выразительным названием «Бездна страданий», уже написан. Вслед за названием идёт пустота или, если угодно, чистота. А что может быть выразительнее этого, особенно после этих двух слов, в которых уже все сказано... И может, несбывшаяся мечта – это тоже выход, точнее, способ понять в себе что-то главное и настоящее.

Очень символичен также рассказ «Крыса», один из лучших в сборнике. Но предоставлю читателю самому делать заключения, потому что открытый финал рассказа оставляет нам свободу разных интерпретаций, и это замечательно.

В рассказе «Восьмой раунд с Робертом Тейлором», который, кстати, получил первый приз на Международном конкурсе в Вене, тоже присутствует очень необычная метафора. Герой рассказа читает закадровый перевод американского фильма по напечатанному готовому тексту, но в каком-то эпизоде выясняется, что несколько страниц потеряно, и он вынужден придумать свой текст. И самое удивительное, что зрители даже не заметили подмены. Вероятно, потому, что герой-«переводчик» вложил в этот придуманный текст свои настоящие, а не выдуманные переживания, которые совпали с видеорядом. Настоящее всегда тем или иным образом сов-

падёт с другим настоящим.

Рассказы Джасура Исхакова, так ностальгически похожие на старые фотографии улиц и площадей или на картины, где в живом движении схвачены горожане, будут близки и интересны не только тем, кто принадлежит его поколению и успел пожить в том Ташкенте, но и поколению молодому, которое родилось и выросло уже совсем в другом городе.

После прочтения сборника остаётся замечательное послевкусие. Находит ещё одно художественно убедительное подтверждение то, как многообразна, непредсказуема и прекрасна наша жизнь, несмотря на все удары, сложности и перипетии нашего бытия. Остаётся вера в доброе, созидательное начало в людях. И мне кажется, что это очень важно, особенно в наше время, когда люди всё меньше склонны верить друг другу, замыкаясь в себе и своих проблемах. И я очень рад за читателя, который прочитает книгу и, может быть, поймёт что-то глубинное в себе и своей жизни, по-новому увидит старых знакомых и вспомнит своё прошлое. Пока мы живы, многое можно поправить и исправить. И спасибо автору за то, что подарил нам столько удивительных и пронзительных, до мурашек по коже, историй. Спасибо за искренность, щедрость души и доброту.

От рассказов Джасура Исхакова исходит свет любви к людям, а это самое главное и самое ценное во всех временах и пространствах.

Бах Ахмедов

Пушкин

(Из цикла «Парк Тельмана»)

Пушкин облюбывал наш парк летом шестьдесят первого. Он появился неожиданно, в день открытия сезона.

Тёмное лицо его, то ли от загара, то ли от перенесённой желтухи, на самом деле напоминало черты поэта. Было в нём что-то африканское, абиссинское: нос с широкими ноздрями и крючковатым кончиком, большие выразительные глаза, крутые дуги бровей, полные губы... Но главное, что делало его похожим на Александра Сергеевича, – это его волосы. Они пышно кучерявились на голове, блестели крупными завитками, переходя в роскошные чёрные бакенбарды. Одет он был даже в самую жару в какой-то чёрный балахон и шляпу с обвисшими полями. Лишь одно входило в противоречие с образом – сетчатая авоська, которую он всегда носил с собой. Из дыр в авоське виднелся газетный свёрток, мятые трусы и майка, поверх – пара помидоров и кусок чёрствого хлеба.

...Пушкин выстоял очередь, вынул из кармана новую двадцатикопеечную монетку, протянул её золотозубому пивнику Аркаше. Тот подозрительно оглядел странного незнакомца, повертел в руках монету. Он не знал, кто такой Пушкин, и о внешности его, естественно, представления никакого не имел. Но Аркашу насторожил общий вид посетителя. «При-

шелец» заметил подозрительный взгляд и широко улыбнулся, давая понять, что он человек безобидный и не представляет для пивной «Котлован» никакой опасности.

– Армянин? – на всякий случай спросил Аркаша.

– Нет, я русский, – вежливо ответил Пушкин и снова виновато улыбнулся.

Аркаша подкачал медный насос и открыл кран. Пиво второго пивзавода мощной струёй потекло в мутную кружку, накрыло верх густой пеной.

– Совсем не похож! Цыган ты! В крайнем случае – еврей! – безапелляционно заявил Аркаша, вытирая мокрый прилавок.

Открытие сезона в парке совпало с Первым мая и Пасхой, и «Котлован» был переполнен. Пушкину пришлось немного побродить между шумными столиками в поисках свободного места. Не найдя его, он присел на корточки у стены пивнушки и с удовольствием отхлебнул холодного, с кислинкой, пива.

За соседним столиком сидела компания. Все они работали в сборочном цехе «Ташсельмаша» и сейчас обмывали первую получку нового члена бригады. Пьяный паренёк с не бритой ещё ни разу поросльё на розовом от водки лице окончил семилетку и успел пройти курс русской литературы.

– Ой, Пушкин! – радостно завопил он, показывая пальцем на посетителя со знакомым ему по школьному учебнику лицом.

Сидевшие за столиком оглянулись.

– И вправду похож! – согласился рабочий с черными от въевшегося железа пальцами – видимо, бригадир. Третий, разливая по гранёным стаканам водку, подтвердил:

– В самом деле... Пушкин!.. Как живой! – уверенно произнёс он, словно знал Пушкина лично и буквально вчера с ним виделся.

– Эй, иди-ка сюда... – бригадир убрал со стула кирзовую сумку с макаронами, купленными для дома.

Пушкин поднялся и подошёл к столику.

– Присаживайся... – пригласил бригадир, с интересом оглядывая кудрявого человека в чёрном балахоне.

Пушкин присел на край стула и поставил перед собой пузатую кружку.

– Водки хочешь, Пушкин?

Пушкин молча пожал плечами, улыбнулся по-детски, мол, чего спрашиваешь?

Видимо, там, откуда он прибыл в наш парк, ему часто приходилось играть на своем сходстве с поэтом, и уже после второго стакана, театрально откинув правую руку, он декламировал:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты!
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты!*

Вокруг столика собрались завсегдатаи «Котлована» и восхищённо хлопали в ладоши после каждого выступления. Он знал всего несколько четверостиший, но читал громким, хорошо поставленным голосом, иногда путая и перевирая слова. Но это было не столь важно, посетители пивной, переглядываясь, изумлялись: «Копия... Точь-в-точь!», «Вот это да!», «Пушкин собственной персоной!» – и просили повторить.

Слава о Пушкине разлетелась по парку мгновенно. Его приглашали за столики самые разные компании. И студенты со стройфака Политехнического, и торговцы с Алайского базара, и семейные пары. За несколько дней он стал известной личностью. Каждый день приходил в парк, как на работу, читал стихи, и ему наливали – кто водки, кто двадцать шестого портвейна. Угощали шашлыками и салатом из редьки. К концу дня, в стельку пьяный, он, качаясь, уходил куда-то в темноту спуска Асакинской улицы... А на следующий день, трясаясь с похмелья, Пушкин возвращался в парк. И всё повторялось сначала. Один из постоянных клиентов «Котлована», филолог из университета, научил его ещё несколькими стихам, и теперь в конце своего выступления, тряся кудрями, он торжественно произносил: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Он стал своеобразным аттракционом, все считали своим долгом пригласить его за свой столик, кто-то даже совал деньги. Но от денег Пушкин всегда гордо отказывался.

Однажды – это было начало июля – он попал за столик, где среди прочих сидела женщина лет сорока. Она была абсолютно одинока и потеряла всякую надежду на личную жизнь. Попала она в этот «весёлый» круг бездельников совершенно случайно. И когда один из пьяной компании стал под общий хохот приятелей дёргать Пушкина за бакенбарды, проверяя, настоящие ли они, Наталья (так её звали) закричала на весь «Котлованчик»:

– Да как ты смеешь издеваться над человеком? Сволочи вы, а не люди!!! Идём отсюда...

Она была сентиментальна и начитанна и, уводя Пушкина из пивной, говорила сквозь слёзы:

– Ты же человек, а человек – это звучит гордо!..

Пушкин, успевший перемешать за вечер приличное количество водки, портвейна и пива, почти ничего не понимал, но чувствовал, что его уводит добрая женщина, и поэтому не сопротивлялся. Только улыбка скользила по его тёмному лицу.

Наталья привела Пушкина в свой глинобитный домик, расположенный в глухих самостроечных переулках ташкентского «Нью-Йорка», что напротив Боткинського кладбища. Внутри было всё чисто и аккуратно: на подоконнике за ситцевой занавеской зеленела герань, над столиком висел жёлтый абажур, железная кровать была покрыта покрывалом из разноцветных лоскутов. Она уложила его спать, а сама легла на сундук и, укрывшись старым пальто, проплакала почти

всю ночь.

Часов в двенадцать Пушкин проснулся от гудения примуса, на котором стоял тазик с водой. Он огляделся по сторонам, не понимая, где находится. В дверях появилась Наташа с охапкой белья и полотенцем в руках.

– Проснулся, Жора? – улыбнулась она. Настоящее имя Пушкина Наташа узнала по татуировке «Георгий» на руке. – Давай-ка умоемся... Я тут тебе одежду на Тезиковке купила...

...Она лила из ковшика тёплую воду на чёрные кудри, приговаривая:

– Ох и оброс же ты! Надо тебе постричься...

Потом они завтракали. На том же примусе Наталья пожарила картошки и залила двумя яйцами. Наливая ему в стакан заварку, разбавляя кипятком и насыпая сахар, она повторяла:

– Жора, всё, начинаешь новую жизнь...

На что Пушкин согласно кивал головой и улыбался.

Наташа работала уборщицей в нескольких местах, в том числе и в парикмахерской около ТашМИ. Днём она повела Пушкина в свою парикмахерскую, усадила в кресло.

– Что будем делать? – спросил Наташу парикмахер Зиновий Семёнович.

– Что-нибудь помоднее... – она незаметно подмигнула. –

И покороче, дядя Зюня...

– Понял... Полубокс... – парикмахер обернул шею

Пушкина пожелтевшей салфеткой, быстро-быстро защёлкал ножницами, и на пол стали мягко опускаться чёрные пушкинские кудри. Потом он направил лезвие опасной бритвы на кожаном ремне, взбил в чашечке мыльный порошок для бритья «Нега» и намылил помазком тёмное лицо и бакенбарды.

Пушкин смотрел в треснувшее зеркало, не отрываясь от своего отражения.

Зиновий Семёнович, отогнув мизинчик, ловко и скоро выбрил лицо Пушкина. Побрызгал из пульверизатора «Тройным» одеколоном и артистически откинул простынку.

Наталья всплеснула руками и радостно заплакала:

– Дядя Зюня, вы просто волшебник! Жора, ты не представляешь, какой ты красивый!

Она хотела заплатить, но Зиновий Семёнович отвёл руку с деньгами.

– Свои люди, сочтёмся...

...Они шли по улице, и радостная Наташа незаметно оглядывалась по сторонам, надеясь, что прохожие оценят необыкновенные метаморфозы, произошедшие с её Жорой. Но никто ничего не замечал.

Так пролетело полтора месяца. Наступил сентябрь. На свои скромные доходы Наташа полностью передела Жору. Покупала ему папиросы «Беломорканал», по вечерам приносила пару бутылок пива.

– Лучше дома, в семейной обстановке... – улыбалась она,

откупоривая «Жигулёвское».

По просьбе Наташи Жора побелил домик извёсткой и починил сломанную калитку.

Разношёрстные соседи, обитатели трущоб, привыкли к новой паре, но за глаза сплетничали: «Привела бродягу» – «А что, на человека стал похож, хоть и сто восьмой¹...»

Иногда они ходили в парк. Стреляли в тире, катались на воздушных лодках, смотрели кино. Никто не узнавал в Жоре бывшего Пушкина, а если и узнавал, говорил с грустью и упрёком:

– Эх, Пушкин, Пушкин...

На что Наталья тут же возмущённо реагировала:

– Какой он тебе, к чёрту, Пушкин? Это – Георгий Алексеевич! – и уводила его подальше, взяв под руку.

Но каждый раз женщина с тревогой замечала, что при слове «Пушкин» у ее сожителя сразу падало настроение и становились печальными глаза.

Наташа гнала прочь тревожные мысли и по ночам шептала:

– Вот увидишь, Жорик, у нас всё будет хорошо...

...Наталья подметала с пола чьи-то остриженные волосы. Вдруг покачнулась и упала, перевернув ведро со шваброй. Встревоженный Зиновий Семёнович вызвал «скорую», и женщину увезли в больницу. В приёмном отделении Наталья

---

¹ «Сто восьмыми» называли тех, кто был осуждён по сто восьмой статье УК «За бродяжничество и тунеядство», или просто бомжей и алкоголиков.

очнулась от внезапного обморока и стала просить отпустить её домой, мол, всё прошло. Но врач настоял, чтобы её поместили в неврологическое отделение.

Три дня ждала Наталья появления Жоры, но тот всё не шёл. Она убежала из больницы и, придя домой, поняла, что дома он не появлялся. Нашла его в «Котлованчике». Он был совершенно пьян и читал кому-то стихи. И новые слушатели смотрели на него с удивлением:

– И вправду чем-то похож на Пушкина...

Наталья попыталась увести его из парка, но Жора, словно не узнавая её, отводил руки и тянулся к стакану на столе.

В конце октября вдруг сильно похолодало. По ночам стояли заморозки. Лужи покрылись тонким слоем льда. Порывистый ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья.

...Его, окоченевшего, нашли утром на скамейке главной аллеи парка дворник и шофёр. Он лежал, завернувшись в старые газеты, поджав коленки. Потемневшее лицо успело покрыться густой щетиной.

– Пушкин... – слюнявя бумажку, сказал дворник водителю полуторки. – Замёрз, бедолага...

Он закурил самокрутку, присел рядом со скрюченным маленьким телом.

Ветер откинул угол газеты, открыв смуглое лицо. В короткой стрижке «полубокс» уже наметились тёмные кудри.

– А ведь похож... Эх, Пушкин, Пушкин...

Остекленевшие глаза смотрели куда-то вверх, сквозь по-

редевшие кроны старых деревьев парка Тельмана.

Март 2007 г.

Мясо по-гречески

(Из цикла «Парк Тельмана»)

Кого только не видел наш парк! Пёстрый, многоязычный парк Тельмана... На его аллеях одновременно можно было услышать «українську мову», идиш, темпераментную армянскую речь, гортанный хорезмский говор, неповторимые одесские обороты... А в годы войны (но это время я знаю только по рассказам) наверняка в парке звучала польская речь гордых офицеров из армии генерала Андерса, и, быть может, в парк приходили японские военнопленные, строившие театр Навои по проекту великого архитектора Щусева, и тихо говорили по-своему.

Ташкент стал приютом для многих. Кого-то сюда сослали, как корейцев с Дальнего Востока, турок-месхетинцев и чеченцев с Кавказа, крымских татар из благословенного Крыма. А сотни тысяч русских, украинцев, белорусов, евреев были эвакуированы в «хлебный» город в лихолетье войны.

Поэтому-то так многоязычен, так многообразен был наш парк.

Но один раз в году под сенью старых дубов и клёнов парка Тельмана звучал преимущественно греческий язык.

В Ташкенте греки появились, спасаясь от жесточайшей гражданской войны, разгоревшейся на их родине. Говорят,

их вывозили из Греции тайно, в трюмах грузовых кораблей и даже в ёмкостях нефтеналивных танкеров. Не все выжили: одни погибли от истощения, другие – от обезвоживания и осколков бомб. Но для добравшихся Ташкент на долгие годы стал родным домом.

Греки славились как отличные парикмахеры, сапожники и портные. Они привнесли в жизнь города особый, европейский лоск. Вместо дубовых «полубоксов» на головах Ташкентцев появились модные прически с изящными коками впереди. Многие сменили грубые полуботинки фабрики «Скороход» на греческие кожаные «лодочки». Брюки, сшитые греками, всегда отлично сидели на фигуре. Но более всего греки славились как прекрасные строители.

Теперь большинство из них уже давно вернулось на родину, но до сих пор в такси можно услышать:

– Мне до «греческого городка».

И таксист безошибочно довезёт до нужного места. Хотя в Ташкенте несколько «греческих городков».

Парк Тельмана греки облюбовали для проведения своего национального праздника. Готовились они к нему основательно, с большим энтузиазмом, пытаясь хоть на один день воссоздать частицу своей любимой Греции здесь, на чужбине, и, хотя бы ненадолго избавиться от ностальгии, постоянной их спутницы в эмиграции.

За день до праздника они любовно оформляли парк: развешивали над аллеями голубые и красные транспаранты с

серпами и молотами и непонятными надписями (хотя буквы были похожи на русские), протягивали среди деревьев гирлянды из разноцветных лампочек, развешивали флаги и портреты каких-то своих героев...

Уже с утра на эстраде репетировал детский танцевальный ансамбль. Девочки и мальчики в юбочках и фесках слаженно танцевали под аккордеон сиртаки, пожилая гречанка пела проникновенные песни, и на глазах мужественных греков выступали слёзы.

За летним кинотеатром на траве среди деревьев устанавливались огромные вертелы из арматуры. С мясокомбината привозили туши баранов, и греки особым образом укрепляли их на осях вертелов. Начиналась подготовительная суэта: кто-то рубил дрова, кто-то таскал в мешках уголь...

Мы с Витькой Волыновым, моим закадычным другом и одноклассником, уже второй раз были на этом празднике – и не как зеваки, а как полноправные участники. Знакомый грек Тасис, добрый каменщик с густыми усами и бровями, в этот раз пригласил нас помочь крутить вертелы.

– Помогите, пасаны, нам гуляй надо... А потом попробуйте наша мяса... – с акцентом предложил он нам, и мы согласились. И совсем не пожалели об этом...

Пришли мы загодя, побродили по преобразившемуся парку, затем нашли Тасиса. На правой руке у него красовалась красная повязка с тремя буквами «ДНД», что означало «добровольная народная дружина». Он направил нас к седу-

му греку, который заведовал приготовлением мяса, и что-то сказал ему, показывая на нас.

– Это дядя Манолис, – представил его Тасис. Улыбающийся Манолис повёл нас к вертелам, за которыми надо было следить, показал, где лежат уголь и дрова. Потом пошёл между рядами вертелов с большой кастрюлей и стал мазать широкой кисточкой бока бараньих туш каким-то соусом. От него исходил запах чеснока, райхона (грек называл его «базиликом») и ещё чего-то неуловимого. Уголь, как и в прошлом году, был хорошим, блестящим и крепким. Он трудно разгорался, зато потом горел ровным голубым пламенем и давал отличный жар.

Парк постепенно наполнялся. Греки со всего города: старые хромые ветераны, молодые красавицы, весёлые дети, скромные женщины в платках, юноши и мужчины – неторопливо спускались по лестнице, о чём-то переговаривались, останавливались у транспарантов, разглядывали портреты.

По случаю праздника одеты все были нарядно: брюки отглажены, туфли вычищены, волосы набриолинены. Женщины благоухали духами. Трудно было узнать в этих степенных людях штукатуров и маляров, плотников и швей. Из динамиков уже звучала греческая музыка, необыкновенно печальная и одновременно светлая. Я в тот год прочитал адаптированную книгу «Мифы Древней Греции» и, вглядываясь в лица, пытался представить, как мог бы выглядеть отважный Одиссей или его верная жена Пенелопа...

...Уголь постепенно разгорался, черные его бока покрывались белым горячим пеплом. Сквозь листву была видна раковина эстрады. Какой-то человек говорил что-то резкое, размахивал рукой со сжатым кулаком. Время от времени зрители горячо хлопали в ладоши, поддерживая выступающего. Изредка слышались слова, которые были нам понятны – «фашизм-мос», «империализм-мос»... Потом стоя пели хором гимн Греции и «Интернационал».

Витёк размахивал картонкой, раздувая пламя. От дыма глаза его слезились, но аромат мяса раззадоривал аппетит:

– Ух как жрать-то хочется...

В доме Витька редко видели мясо. Мать варила и жарила картошку, делала икру из баклажанов и умела готовить вкуснейший макаронный суп только на поджаренном луке. Жили они бедно, но даже те небольшие деньги, что были, уходили на водку для отца Вити, дяди Серёжи. Он был контужен на войне и уже после третьей стопки начинал страшно заикаться. На груди его была татуировка – обнажённая женщина, однако, когда Витёк достиг семилетнего возраста, мать заставила мужа вытатуировать на «бесстыжей» лифчик и трусы.

Подошёл седой Манолис, глянул на наш уголь, и, удовлетворённо кивнув, показал на часы:

– Через полчаса ставить охонь.

Вновь смазал мясо своим соусом и пошёл проверять остальные вертелы.

А праздник был уже в самом разгаре. Отовсюду слышались музыка, смех, возгласы. На освещённой эстраде дети танцевали сиртаки, высоко поднимая колени.

Небо ещё было светлым, но под деревьями, где мы разжигали угли, было уже темно и через пепел светилось пламя.

Рядом, по аллее, не замечая нас, шла пара влюблённых. Мужчина что-то шептал девушке на ушко, она звонко смеялась и отводила его руку, которой тот пытался обнять её за талию. Девушка что-то сказала по-гречески, и даже я, не зная языка, догадался, что это было шутовское «Дурачок!»

Среди деревьев вспыхнули разноцветные гирлянды. Ветер качал листву. На лицах влюблённых мелькали причудливые отблески.

– Умеют же отдыхать люди, блин! – грустно вздохнул Витёк и закурил папироску, стыренную у отца.

А на сцене, сменив детский танцевальный ансамбль, уже пел, аккомпанируя себе на гитаре, молодой певец.

Мы разложили под своими вертелами уголь. Опыт уже был, и соседи, такие же пацаны, как и мы, с уважением поглядывали на нас. Угли надо было разложить равномерно и на определённом расстоянии от туш. И, главное, надо было вертеть ручку вертела – медленно и непрерывно. Это была непростая задача: спинка барана была тяжелее брюха и всё время тянула вниз. К тому же приходилось непрерывно стоять на коленях, а жар от углей обжигал руки и лица. Но всё скрашивалось невероятным ароматом, исходящим от жа-

рившегося мяса. Туша, обмазанная соусом, постепенно покрывалась аппетитной золотистой корочкой.

В парке всегда стоял дым от шашлыков. Их готовили в трёх местах. Но то был привычный, наш, шашлычный дым. Этот же – совсем другой. Или нам это только казалось?

Подошёл Тасис. Он был уже слегка пьян и веселей, чем обычно. Подмигнув нам, вытащил из кармана бутылку:

– Вот, пейте за нашу Грецию! – торжественно произнёс он и откупорил бутылку. Тут его кто-то окликнул, и он ушёл. Понюхав, Витек с разочарованием констатировал:

– А, сухое, кислятина!

Однако тут же сбегал куда-то и принёс мутный гранёный стакан. Мы выпили по глотку терпкого красного вина, но потом решили, что остальное допьём, когда будет готово мясо.

Через некоторое время вновь появился Манолис. Он протыкал туши длинным острым ножом, принюхивался, качал головой, мол, ещё не готово. Витек сглотнул подступившую слюну:

– А я бы попробовал...

Грек строго посмотрел на него, погрозил толстым пальцем и пошёл проверять готовность остальных туш.

В тени деревьев и кустов, где мы со скрипом крутили свои вертела, стало совсем темно. На аллее послышался шум.

– Отец – тихо сказал Витёк.

Я оглянулся. Дядя Серёжа, которого под руки вёл милиционер, заикаясь, говорил громким голосом:

– Т-ты... С-с-сержант... Д-д-да ты з-з-знаешь, с кем дело им-м-меешь? Я – к-к-капитан артил-л-лерис-с-ст! А ты кто т-такой? У-у-убери р-р-руки! Где хочу, там и-и-и г-гуляю! Тож-же, понаехали тут г-греки всякие! – Тут он перешёл на мат, называя всех подряд фашистами.

Подошёл Тасис с друзьями.

– Вам надо дом, спать, – вежливо попытался внушить ему Тасис. Отец Вити вырвал руку и замахнулся, пытаясь его ударить, но был слишком пьян, да и Тасис, занимавшийся борьбой, просто увернулся, и вместо удара дядя Серёжа неловко повалился наземь. Все вокруг засмеялись.

Витёк выбежал на аллею.

– Пап, пошли домой! – отчаянно крикнул Витя, поднимая отца с земли. Он любил отца безмерно, гордился им, но страшно стеснялся, когда тот в пьяном угаре выкидывал фортели. И хотя было темно, я точно знал, что лицо Витька горит от горечи и стыда за отца.

– Отпустите его... – не поднимая глаз, попросил он милиционера. – Я его домой отведу... Ну прошу вас, пожалуйста...

– В вырезвителе ему место... – сержант крепко взял дядю Серёжу под локоть, почти вывернув руку. Витя оглянулся и посмотрел на Тасиса блестящими от слёз глазами.

– Тасис... – умоляюще произнёс Витёк. Грек смутился от его голоса.

Я смотрел из темноты сквозь листву кустов. Витёк вёл по-

качивающегося отца по ярко освещённой аллее к выходу из парка. Вокруг смеялись и танцевали весёлые люди, говорили на непонятном языке. А дядя Серёжа пытался всё это перекричать и пел военные песни: «Там, где пехота не пройдёт и бронепоезд не промчится...»

...Угли почти догорели. Манолис попробовал мясо, облил пальцы и довольно сказал:

– Молодей! А где твой друг?

Я хотел было ответить, но грек уверенным движением отрезал от спины два отменных куска горячего мяса.

– Это тебе, а это – твой другу. За хороший работ...

Он положил мясо и два куска хлеба на обрывок оберточной бумаги и пошёл к другим вертелам. «Отнесу Витьке домой!» – подумал я и надкусил свой кусок. Какое блаженство! Сочное, невероятно ароматное, нежное мясо...

– Вкусно?

Я вздрогнул и оглянулся. Из-за кустов на меня смотрели глаза Юли. Я не сразу узнал её. Прошёл почти год, как мы не виделись. Юля жила в соседнем дворе с матерью. Она была на три года старше, очень красивая и очень свободная. Все ребята на нашей улице были тайно в неё влюблены. Не миновала эта участь и меня. Соседки сплетничали, прополаскивая в тазах белье у водопроводной колонки, что она «слишком распушенна я». Но какое нам было дело до женской болтовни? В самом деле, смеялась Юля очень громко, но при

этом на щеках у неё появлялись удивительно симпатичные ямочки, а глаза всегда весело блестели. Она первая на нашей улице отрезала себе косы, первая надела туфли на высоких каблуках. Всегда могла постоять за себя, и справедливость была у неё на первом месте. Пару раз участвовала в мальчишеских разборках, защищая слабых. Говорили, что мать поколачивала дочь, пытаясь восполнить пробелы в воспитании. А ещё болтали, что всё это следствие «безотцовщины» и что Юля «плохо кончит».

Конечно же, у неё было много поклонников. Почти полгода на нашу улицу с обязательным букетом цветов приходил курсант из военного училища. А потом появился бородатый геолог, который брэнчал на гитаре, пел песни собственного сочинения, читал стихи, мог часами рассказывать романтические истории. И Юля, бросив всё, уехала с ним...

...Она стояла передо мной, и блики от гирлянд из раскрашенных лампочек играли на её лице. Почти не изменилась. Только похудела немного. Губы ярко накрашены помадой, брови выщипаны дугой. А в глазах, всё таких же огромных и блестящих, словно поселилась грусть. Но она улыбалась.

– Я тебя сразу узнала. Ты, кажется... – и она назвала не моё имя. Но я не стал её поправлять. Какое дело уличной красавице до соседского пацана, который младше аж на целых три года!

Она вышла из-за кустов.

– Дай откусить! – полушутливо попросила она.

«Дай откусить» было своеобразным паролем того времени. Если кто-то, выйдя во двор с куском хлеба с маслом, да ещё присыпанным сахаром, не давал откусить, то его навсегда записывали в позорный стан жмотов и жадин-говядин.

– Конечно! – излишне торопливо произнёс я и протянул ей Витькин кусок мяса. Она присела рядом, и я почувствовал прикосновение её тела. Год назад венцом мечтаний и мальчишеских грёз было просто постоять с ней рядом.

Юля старалась есть неторопливо, но у неё это не получалось – была очень голодна. Чтобы не смущать её, я отвернулся.

– Какая вкуснятина! – говорила она, словно оправдываясь.

Я вспомнил о бутылке вина, принесённой нам Тасисом.

– Вот вино... Хочешь? – спросил я, наливая сухое вино в стакан.

– Ух ты! Да у тебя здесь настоящий ресторан! – засмеялась Юля, с удовольствием выпила и снова принялась за мясо. Мой надкушенный кусок оставался лежать на бумаге в траве. Доев, она, уже не спрашивая, налила себе вина. Выпила, а остатки вылила в стакан и протянула мне. Сделав глоток, я поставил стакан.

– Вот, если не брезгуешь, съешь и мой кусок... И вино тут ещё... – неожиданно для себя предложил я, испытывая пленительное ощущение от того, что можешь одарить чем-то любимого человека. Даже если он и не подозревает о том,

что любим...

Юля съела всё до последней крошки и выпила оставшееся вино. Мы сидели рядом и смотрели, как в раковине эстрады поёт пожилая певица.

– Даже не знаю, как тебя отблагодарить... – негромко произнесла Юля и стала подниматься.

Греческая песня была под стать моему настроению – хотелось плакать. Юля посмотрела на меня, неожиданно присела и, обняв, поцеловала. Крепко и благодарно. На мгновение мне показалось, что я теряю сознание.

Юля встала, поправила платье.

– Спасибо тебе за всё! – тепло улыбнулась она и уже было пошла, но в следующее мгновение оглянулась и строго приказала:

– Ты меня не видел, понял?

Оглушённый, растерянный и счастливый, я шёл на ватных ногах по аллее парка в сторону ворот. Праздник продолжался.

...Когда в ресторане официант раскрывает передо мной меню, я с улыбкой нахожу среди названий мясных блюд «мясо по-французски», «мясо по-гречески». Знаю, что это обычные поварские уловки. Просто в одно блюдо добавляют шампиньоны, а в другое – побольше тёртого сыра, а на самом деле это один и тот же кусок мяса.

До сих пор не знаю, похожи ли современные греки на своих героических предков из древних мифов... Но точно знаю,

какой вкус у мяса, которое ел Одиссей. Этот вкус до сих пор у меня на губах. Мясо по-гречески...

Июль 2007 г.

Дирижёр

(Из цикла «Парк Тельмана»)

На центральную аллею парка можно было попасть с трёх сторон: слева – через «Котлованчик», лучшую пивную, справа – по пологому спуску, мимо одиноко стоящей балерины, а также – по главной лестнице в центре. Каждый посетитель парка попадал на эту аллею своим путём, в соответствии со своими наклонностями и характером. Кто-то слева, выпив по дороге кружечку пивка со ста граммами в придачу; кто-то по спуску, мимо кинотеатрика под открытым небом, в котором бесплатно показывали документальные фильмы; но большинство отдыхающих спускалось по главной лестнице, широкой и торжественной, мимо львиных морд, из пастей которых лились струи воды. Шли обычно неторопливо и степенно, снимая шляпы, здороваясь со знакомыми и друзьями.

В центре аллеи, среди цветника, стоял бетонный Сталин, покрашенный серебрянкой. Оттого что вождя старательно и прилежно красили каждую весну, его несколько оплывшая фигура была покрыта чешуйками старых многочисленных слоёв. Он смотрел куда-то вдаль, мимо площадки из красного песка, по которому чинно прогуливались мужчины в чесучовых белых костюмах и покрашенных зубным порошком парусиновых туфлях, женщины в крепдешиновых платьях

и туфлях поверх белых носочков, их дети разных возрастов в ношенных, но аккуратно выстиранных одеждах с совсем незаметными заплатками. Воздух был пропитан ярким запахом духов «Красная Москва», холодного мужского одеколона «Шипр», кислотоватым дымком папирос «Казбек», ароматом жарящегося шашлыка. Левее шелестел фонтан какой-то необычной формы. Из бетонных позеленевших вазонов стекала вода.

Дальше, в самом конце аллеи, заманчиво поблёскивала лампочками раковина эстрады. Одни шли в летний кинотеатр, другие проходили дальше, в пивную «Островок», а кто-то направлялся в шахматный клуб, где играли в домино, шашки и шахматы, но большинство всё же ожидало восьми часов вечера, когда на эстрадную площадку поднимался военный духовой оркестр. Это зрелище было совершенно бесплатным, и, наверное, поэтому все скамейки перед раковиной были заняты загодя. Музыканты в отглаженных парадных мундирах рассаживались на табуретках, расставляли никелированные пюпитры, с серьёзными лицами листали ноты и продували свои сверкающие золотом трубы. Разноголосица настроиваемых инструментов служила своеобразным вступлением к концерту. Традиция была, по-видимому, давняя, так как часть репертуара состояла из старинных маршей, вальсов и полонезов. А сбоку от эстрады, в тени чахлах кустов боярышника, стоял человек в тёмной мятой рубашке с длинными рукавами, в брюках непонятного цвета и потёр-

тых дырчатых сандалиях на босу ногу. Трудно было определить его возраст, потому что был он худощав, даже костляв, на носу висели очки-велосипеды, а серые, зачёсанные назад волосы набриолиненно блестели. Постоянные зрители хорошо его знали: он приходил сюда каждый раз, когда выступал оркестр, заранее отламывал прямую ивовую веточку, очищал её от коры, и в ожидании начала концерта присаживался на корточки, словно стараясь слиться с зеленью, спрятаться от многочисленных зрителей, которые, лузгая семечки и покуривая папиросы «Север», всегда наблюдали за ним, посмеиваясь и тыча в его сторону пальцами.

На сцене зажигался полный свет, и выходил пожилой майор, дирижёр военного оркестра. Он сдержанно кланялся и громко и чётко (тогда не было привычных микрофонов) объявлял:

– Выступает духовой оркестр Туркестанского военного округа. «Амурские волны». Вальс...

Прищёлкнув каблуками начищенных сапог, он оборачивался, строго оглядывал свой оркестр, постукивал палочкой по краю пюпитра и поднимал руки. На мгновение в воздухе повисала пауза.

А через секунду всё пространство наполнялось звуками. Мягко вступали альты и трубы, брутально хрипел фагот, ухали тубы, погромыхивал барабан, позванивали металлические тарелки и треугольники. Грустная гармония старинного вальса, казалось, проникала в самое сердце. А потом мело-

дия переходила на высокие ноты, и солировали уже чёрные флейты и серебряные пикколо...

А в тени, слева, у облупленного кирпичного фундамента сцены, дирижировал человек в сандалиях. Он поднимался на ногах, покачивался в такт музыке всем своим худым телом, волосы его сбивались на лоб, а из-под очков по щекам текли слезы... И не от грусти или страдания, нет. Человек, забыв обо всём на свете, светился от счастья и непреодолимой радости.

Большинство зрителей, особенно в первых рядах, смотрели не на оркестр, не на майора на сцене, а на этого щедрого человека в кустах, на его то плавные, то судорожные движения. Белая палочка мелькала в тени кустов, и этот странный дублёр военного дирижёра каким-то непонятным образом обострял восприятие вальса, делал его почти трагическим...

«Амурские волны» сменялись каким-нибудь «Маршем энтузиастов», а за ним плыл в воздухе полный невероятной грусти полонез Огинского. И снова звучали мелодии из советских фильмов, чардаши, падеграсы и фокстроты Цфасмана. А человек в кустах продолжал дирижировать, уже вовсе не замечая насмешливых взглядов и перешептываний.

Обычно выступление духового оркестра заканчивалось маршем «Прощание славянки». Зрители знали об этом и поднимались.

Человек делал свое последнее движение вместе с музы-

кантами и незаметно уходил, растворяясь в темноте кустов. Может быть, не хотел чувствовать на себе назойливое любопытство отдыхающих?..

...Прошло много лет. Я уходил служить в армию. На станции «Ташкент-товарная» было многолюдно и суетно. Пели под гармошку пьяные компании, какая-то девушка навзрыд плакала, матери совали своим детям пакеты с едой, вдоль обшарпанных вагонов со сломанными стёклами стучали каблучками офицеры-«покупатели», и сержанты грубыми голосами выкрикивали чьи-то фамилии... Провожавшие меня мама и жена тихо плакали. Мне было тоже грустно, но я держался, шутками стараясь успокоить близких мне женщин.

И вдруг совсем рядом зазвучал тот самый марш! «Прощание славянки»... Я почувствовал, как сжалось что-то в груди от этой мелодии, от этого звонкого, минорного звука флейты.

– Ну вот, и ты заплакал... – успокаивала меня мама, вытирая выступившие вдруг слёзы. Жена тоже ободряюще улыбнулась:

– Всё будет хорошо! Всего-то один год!..

Бог знает, отчего вдруг человек начинает плакать или, наоборот, смеяться. Есть, конечно, внешние причины. Но есть и что-то глубинное, личное, что живёт лишь в твоей памяти.

Я вдруг явственно вспомнил лицо человека с ивовой «дирижёрской» палочкой в руках. Он стоял перед Вовчиком, по кличке Волдырь, окружённый шпаной из трущоб «Шанхая»,

что была на берегу Салара, и растерянно-беспомощно говорил, что без музыки не умеет дирижировать. А низколобый Волдырь настаивал на своём, обдавая его перегаром водки и пива. Потом он сломал его палочку и толкнул. Как потом говорил на суде Волдырь (и, может быть, это было правдой), он вовсе не собирался убивать Дирижёра, просто хотел, чтобы он «подирижировал» для него... А тот упал и ударился виском об угол бетонного парапета...

Постоянные слушатели духового оркестра какое-то время машинально приглядывались к кустам, где обычно прятался тот человек. Но была уже осень, и выступления оркестра прекратились. А на следующий год его никто и не вспоминал. Он ушёл из их жизней, как уходят и растворяются в небе облака, как улетает неизвестно куда сухой кленовый лист в декабре...

– По вагонам! – гортанно крикнул сержант, перекрывая звуки духового оркестра, продолжавшего играть «Прощание славянки».

Март 2006 г.

Голубка

(Из цикла «Парк Тельмана»)

Первый раз я увидел её в декабре. После басни Сергея Михалкова «Крот-бюрократ» конференсье, он же замдиректора клуба, объявил, подглядывая в бумажку:

– А сейчас сотрудник планового отдела завода Ильича Мария Боголюбова споёт песню «Голубка». Слова Болотина и Сикорской, музыка Ирадье.

На сцену, краснея от смущения, вышла девушка в вязаном свитере и с красными бусами на шее. Аккордеонист сел на табуретку, вопросительно посмотрел на певицу. Та кивнула. Пальцы застучали по пожелтевшим костяным клавишам трофейного аккордеона вступление. Женщина вначале немного замешкалась, но тут же догнала аккомпанемент:

*Когда из твоей Гаваны уплыл я вдаль,
Лишь ты угадать сумела мою печаль.
Заря золотила ясных небес края,
И ты мне в слезах шепнула – любовь моя...*

Голос у неё был не очень сильный, но красивый, чуть с хрипотцой. Она так старательно пропевала текст, что зал притих. До этого, узнав, что вместо кино будет концерт, мы хотели уйти. Но после первого куплета мне захотелось

Остаться в этом зальчике.

*Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый,
Я прилечу голубкой сизокрылой,
Паруся твой найду над волной морскою,
Ты мои перья нежно погладь рукою... —*

пела она, и я явственно представлял голубое море, парусник, солнце, себя на палубе, чаек и, конечно, голубку, которая садится на мою ладонь. От мелодии, которую я уже слышал по радио, хотелось плакать. Она проникала в самые глубины души. Быстро вытерев слёзы, я оглянулся: не видел ли кто-нибудь из друзей моей слабости?

Мы с пацанами и девчонками со двора в тот декабрь почти каждый день бегали в старинное здание САНИИРИ, что расшифровывалось как «Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации». В этом здании, похожем на замок, до революции располагался «Охотничий домик» для офицеров. А в советские времена здесь обычно организовывали избирательные участки. Крыльцо украшалось кумачовыми лозунгами, плакатами, портретами кандидатов в депутаты Верховного Совета с подробными биографиями. Обычно в начале вечера сухонький старичок из общества «Знание» читал лекцию о международном положении, в которой он разоблачал американских империалистов, германских ревизионистов в лице Конрада Аденауэра и предателя югославского народа Иосипа Броз Тито. Потом

крутили кино.

Киномеханик передвижки заправлял переносной проектор, выключал верхний свет, и волшебный луч вырывался на экран-простыню. Затаив дыхание, мы самозабвенно смотрели фильмы преимущественно о Гражданской войне или о героях-разведчиках. Какие-то смотрели по несколько раз, и в том месте, где фашистский генерал поднимал бокал со словами «За победу!» – мы хором отвечали из тёмного зала:

– За нашу победу!

Но сегодня вместо кино был концерт художественной самодеятельности. На улице было холодно и неудобно, а здесь топилась огромная изразцовая печь, и было приятно чувствовать под собой мягкость старинных потёртых кресел, разглядывая лепнину на охотничью тему под сводами небольшого зала.

Меньше месяца оставалось до денежной реформы, четыре месяца до ликования по поводу полёта Юрия Гагарина в космос и три месяца до моего четырнадцатилетия. Уже кое-где висели транспаранты «С Новым, 1961 годом!», и я с волнением открывал для себя, что, если перевернуть это магическое число, оно снова станет – 1961!

Мария продолжала петь:

*О голубка моя, будь со мною, молю,
В этом синем и пенном просторе,
В дальнем родном краю.
О голубка моя, как тебя я люблю,*

*Как ловлю я за рокотом моря
Дальнюю песнь твою.*

Закончив петь, она как-то неловко поклонилась. Зал зааплодировал. Раскрасневшаяся, взволнованная, она спустилась со сцены и прошла мимо меня. Смешанный запах духов и жаркого тела на мгновение обдал меня необыкновенной волной.

Прошла зима, весна, и уже кончалось лето.

И расшифровка аббревиатуры «СССР – Стакан Семечек Стоит Рубль» уже не была актуальна. Стакан семечек стоил уже не рубль, а десять копеек.

Ночами мы вглядывались в тёмное небо и среди звёзд искали проплывающие огоньки спутников.

Почти каждый августовский вечер ходили в парк Тельмана. Иногда с родителями, но чаще с друзьями. Маршрут наш не имел никакой логики и смысла. Мы бродили по парку, оказываясь то в одном месте, то в другом. Если не было денег, перелезали через забор летнего кинотеатра и смотрели фильмы или стояли у решётки платной танцплощадки, с интересом разглядывая в толпе кучку «стиляг». У них были узкие брюки, «коки» на головах и яркие рубашки. Пока среди танцующих мрачно ходили дружинники с красными повязками на рукавах, они, как и все, танцевали вальсы или в крайнем случае танго. Обычно трубач громко кричал, в ко-

торый раз повторяя свою заезженную шутку:

– А теперь танго-орангутанго!

И все каждый раз смеялись. И начиналась «Кумпарсита». Но когда дружинники уходили, один из «стиляг» давал знак музыкантам, звонко щёлкнув пальцами: «Давай, Гарик!»

«От Москвы и до Калуги мы танцуем буги-вуги!» – задавала ритм ударная установка, ухал контрабас, звонко выводила труба. И толстые подошвы ребят, и каблучки девушек словно вырывались на свободу.

Танцевали и буги-вуги, и рок-н-ролл.

– Ван, ту, фри, фо, фэйф о клок! Рок! Рок!

Крики, залиvistый свист, пыль столбом! Но прибежали грозные дружинники, теперь уже с милиционером в белой форме и сдвинутой на затылок фуражке. Он свистел в латунный свисток: «Прекратить!» И снова на танцплощадке звучали размеренные вальсы, допустимые фокстроты Цфасмана и «Ландыши»... Белого мая привет...

Становилось неинтересно, и мы уходили. В раковине эстрады играл марши военный духовой оркестр. А на освещённом пяточке площадки в центре главной аллеи парка, покрытом утоптанном красным песком, под баян танцевали пенсионеры и женщины не первой молодости. Кавалеров не хватало, и женщины «за тридцать» танцевали друг с другом, «шерочка с машерочкой». Та, что была крупнее и выше, изображала «мужчину». Отставив мизинчик правой руки на спине партнёрши, она «вела» подругу и, далеко отведя левую ру-

ку, задавала ритм танца. «Женщина» обычно склоняла голову на грудь, доверчиво и покорно. Слепой баянист выводил мелодии прошлых лет: «Сердце, тебе не хочется покоя...», «Брызги шампанского», и мы обычно с равнодушным хихиканьем пробегали мимо этой толпы, пахнувшей дешёвым одеколоном и нафталином. Эта имитация жизни, ненастоящесть происходящего раздражали нашу юношескую самоуверенность. «Убогие», как нам тогда казалось, танцы под хриплые звуки прохудившихся мехов баяна вызывали если не презрение, то уж точно ощущение «полной лажи и тупфты»...

Пройдёт время, прежде чем высокомерие юности растворится, и ты вдруг отчётливо вспомнишь этих странно танцующих друг с другом женщин. И поймёшь, что это живые жертвы той недавней войны. Несчастное поколение девчонок, не успевших познать чувства любви, не разделивших со своими парнями любовного ложа. С теми, кто остались где-то далеко растерзанными в воронках из-под многотонных бомб, расстрелянными в бессмысленных атаках, истекшими кровью в полевых госпиталях, окончившими жизнь в плену... С теми, кто просто исчез. Не вернулись. Остались только на фотокарточках.

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза...*

На лацкане кургузого пиджачка тускло поблёскивала медаль «За взятие Будапешта». Мы уже почти пробежали мимо, как я вдруг услышал:

– Хасанчик, хватит тоску нагонять!

Я остановился на знакомый голос и оглянулся. Это была та самая девушка, что пела зимой на избирательном участке. «Голубка»...

Баянист согласно кивнул.

– Хорошо, Маша... – он отпил из кружки пива. – Какую пластинку хочешь?

– «Голубку»...

Хасанчик начал играть знакомую мелодию. Мария подхватила свою подружку, маленькую и невзрачную женщину, и, танцуя, стала тихонько подпевать:

*О голубка моя, как тебя я люблю,
Как ловлю я за рокотом моря
Дальнюю песнь твою.*

Белое шёлковое платье с рюшечками на плечах колыхалось от чувственных па танго, свисали те же красные бусы, когда она наклоняла партнёршу, подхватывая ее под талию. Туфельки с ремешком, белые носки... В какой-то момент она оступилась, и, потеряв равновесие, женщины повалились на песок. Все рассмеялись.

– Хватит! – отряхиваясь и раздражённо оглядываясь по

сторонам, сказала её некрасивая подруга. – Ты совсем бухая!

Мария вдруг расхохоталась.

– Я? Бухая? Это ты, Лолка, танцевать не умеешь! Ну-ка, продолжим! – и, крепко схватив сопротивлявшуюся женщину, Мария продолжила танец.

*Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый,
Я прилечу голубкой сизокрылой,
Паруся твой найду над волной морской,
Ты мои перья нежно погладь рукою... —*

громко пела она, вызывающе оглядываясь по сторонам.

Наверное, она заметила мой взгляд. Приостановилась и, взяв меня пальцами за подбородок, спросила со смехом:

– Что уставился, пацан? Нравлюсь?

И снова мягкой будоражащей волной окутал меня её запах. Манящий. Таинственный. Даже водка не перебила его.

Первый раз я видел её лицо так близко. И тонко выщипанные брови, и слегка размазанная помада не могли испортить необыкновенную красоту женщины. Голубые глаза блестели то ли от возбуждения, то ли от слёз.

– Ну, что молчишь?

Баянист перестал играть.

– Маша, шла бы ты лучше домой... – сказал он, глядя куда-то в сторону своими незрячими глазами. – Перебрала ты маленько...

– Точно! Идем, Маша... – подруга потянула её за руку. –

Ты совсем пьяная...

– Я не пьяная! – захохотала вдруг она и снова взглянула на меня. – Ну признайся, я тебе нравлюсь?

В голове моей запрыгали какие-то слова. «Да! Да! Да! Конечно! Ещё там, зимой! Ты очень красивая! И поёшь здорово!» Но, поняв, что сейчас совру, покраснел, грубо откинул её руку и выпалил:

– Дура ты!

И побежал прочь. Вслед послышался её смех.

Домой идти не хотелось. Я побродил по парку, пострелял в тире, потом уселся за раковинной эстрады, где продолжался концерт военного оркестра, и увидел, как в сторону аттракционов бегут люди.

Меня окликнул один из знакомых ребят.

– Ты чё здесь торчишь? Бежим! Там такое творится!

В нашем парке, как, наверное, и во всех парках того времени, было несколько популярных аттракционов. Карусели, «комната смеха» с кривыми зеркалами, уродующими фигуры, которые почему-то вызывают смех, тир с покоцанными фигурками зверей и мельницей, лотерея со свёрнутыми бумажками и выигрышами в виде карандашей. Но самым главным и любимым аттракционом были «воздушные лодки». Что греха таить, мы часто залезали в кусты около этих лодок, снизу рассматривая развевающиеся юбки и платья, под которыми можно было различить женские трусики.

Я бежал по аллее мимо забора летнего кинотеатра, от-

куда слышалась музыка из «Большого вальса», смех актёров. Перекрывая вальс, со стороны аттракционов доносились крики, трели милицейского свистка и главное – страшный скрип.

У «воздушных лодок» собралась толпа со всего парка. Успели прибежать музыканты с танцплощадки, дружинники, «стиляги». Фильм, видимо, кончился, и толпа стала ещё больше. Для кого-то это было очередным развлечением, но большинство со страхом смотрело вверх.

Деревянная конструкция из длинных брёвен, скреплённая большими скобами, угрожающе раскачивалась. Пять лодок из шести стояли внизу пустые. Лишь одна взмывала вверх, потом обрушивалась вниз и снова взлетала, задевая конёк конструкции металлическими прутами, к которым была прикреплена лодка. Держась руками за поручни, энергично сгибая и разгибая сильные ноги, Мария, что-то крича, раскачивала лодку всё сильнее и сильнее.

– Маша! – кричала снизу её подруга. – Прошу, остановись!!!

Милиционер свистел в свой свисток:

– Гражданка, немедленно прекратите раскачивать лодку!

Испуганный, белый как полотно смотритель ломал руки и торопливо докладывал директору парка:

– Я ей говорил, говорил сто раз! Лодка сломана! Тормозов нет... Клянусь, я не виноват, начальник! Она сама! Залезла пьяная...

Тормоз в виде доски с прибитой автопокрышкой был и в самом деле сломан пополам и безжизненно висел.

Директор парка в сердцах ударил зрителя по шее.

– Скотина! Если что случится – засажу...

– Да не виноват я! – кричал зритель, размазывая по лицу слёзы.

– Скорую надо вызвать... – сказал директор парка кому-то.

– Уже... Едет...

– Маша! Прошу тебя, ради Христа, остановись!

А Мария, словно, не видя и не слыша никого, хохотала, всё сильнее и сильнее раскачивая лодку. Платье колыхалось от ветра, высоко обнажая ноги. Неожиданно нитка бус лопнула, и красные шарики разлетелись в разные стороны. Я успел схватить одну из бусин, упавшую в пыль, и сунул её в карман.

– Вы её подруга? – спросил директор парка Лолу.

– Да...

– Ну сделайте что-нибудь, уговорите её! Есть кто-нибудь у неё? Муж, дети, родители?

– Да нет у неё никого... Одна она... – заплакала девушка. – А сегодня ей извещение из Подольска пришло... Нашёлся её жених Вася... Шестнадцать лет он был «без вести пропавшим»... А теперь вот захоронение обнаружили... Лучше бы и не сообщали! – Она снова закричала: – Маша, Мария! Остановись... – и осеклась на полуслове...

Именно в этот момент Мария отпустила поручни и на самом пике высоты вылетела из лодки...

Толпа охнула.

– А-а-а!!! – закричал кто-то страшным голосом.

– Ма-ша-а-а!!!

Мария упала за забор аттракциона. На твёрдую, как цемент, землю. Глухой, страшный удар. Какой-то утробный вскрик...

Все бросились к ней. Милиционер и дружинники разогнали толпу, сжимающуюся в плотное кольцо.

– Отойдите! Ей дышать нечем! – кричал кто-то.

– Не трогайте её! Можете хуже сделать! – кричал другой.

– Где скорая?!!

Почти ползком, раздвигая чьи-то ноги, я приблизился к ней. Мария ещё дышала. Но это дыхание больше было похоже на хриплый стон. Из рта текла кровь.

– Дайте дорогу!!!

Через толпу торопливо несли носилки.

– Да разойдитесь же вы!

Кто-то с силой двинул меня в бок.

– Сказали тебе, иди отсюда!

Санитары осторожно переложили женщину на носилки. Кровь окрасила белое платье.

– Скорее... Скорее...

И вдруг... Тело Марии задёргалось, задвигалось мощными волнами с ног до головы, словно все мышцы взбунтова-

лись, не желая умирать. Я не знаю, сколько это продолжалось. Внезапно тело Марии застыло.

– Всё... Кончилась... – перекрестился один из санитаров. Они подняли носилки и, не торопясь, понесли к машине. Пустая облупленная лодка со сломанным тормозом продолжала тихонько раскачиваться.

Толпа понемногу стала расходиться, обсуждая несчастный случай...

Я шёл домой на ватных ногах. Бессмысленно корил себя за то, что сказал Марии совсем не то, что хотел сказать.

Нащупал в кармане красную бусину. Она была деревянной, покрашенной эмалью.

Ночью я не мог заснуть. И, стараясь, чтобы не услышала мама, плакал, уткнувшись в подушку.

Красная деревянная бусина Марии долго хранилась в ящике старого буфета среди мелкого барахла. А потом затерялась куда-то.

*О голубка моя, будь со мною, молю,
В этом синем и пенном просторе,
В дальнем родном краю...*

Март 2012

Осенние паутинки любви

Он ехал медленно, не обращая внимания на обгоняющие его машины, откуда слышались упругие ритмы музыки. Белые ледники на вершине Большого Чимгана то пропадали за очередным поворотом, то снова возникали на подъёме. Он специально ехал не спеша, потому что только так мог разглядеть мелкие плоды на кустах боярышника, искривлённые стволы туи, её корневища, вылезающие на обрывах из-под красной земли. Мог различить паутинки в ветках придорожных кустов, которые колыхались под порывами ветра. Сквозь ровное гудение мотора слышно было пересвист птиц, жужжание пчёл и стрёкот кузнечиков на пыльной обочине, далёкий истошный крик ишака, шелест жёстких матовых листьев джидды с её сладким, дурманящим запахом. И это доставляло ему физическое удовольствие.

Он поднимался по серпантину всё выше и выше и чувствовал, как там, внизу, пусть на время, остаются суета и груз ежедневных забот. Он думал, как хорошо, что водитель отпросился: у него заболела жена, и надо было везти её в больницу. И портниха назначила примерку жене именно сегодня. Обычно в субботу он работал, но сегодня у него была важная отговорка – свадьба у родственников, а для родственников – срочная командировка.

Вчера, после долгого совещания у министра, он вернулся

в свой кабинет.

– Из бюро пропусков звонили: к вам какой-то человек, – секретарша заглянула в блокнот. – Валиев Шакир... Хотите, я скажу, что вас нет? У вас усталый вид...

– Нет-нет, позвони, чтобы его пропустили.

С Шакиром вместе учились в Архитектурном. Когда-то тот работал руководителем одного из проектных институтов, а в смутные девяностые, когда институт развалился, Шакир Валиев ушёл на «вольные хлеба»: стал проектировать и строить богатые коттеджи и загородные дома.

Он вошёл в кабинет, широко улыбаясь и раскинув руки.

– Санжик, брат! – ринулся Шакир к Санжару, поцеловал и, схватив его в охапку, приподнял над ковром. – Ну здравствуй, дорогой ты мой!

Вошла секретарша и поставила на столик поднос со сладостями и чаем.

– Прелестная девушка! – глядя ей вслед, одобряюще кашлянул Шакир. – Да и кабинет тоже на уровне! – Шакир потрогал кожаную обивку дивана. – Просто апартаменты! Когда министром станешь?

Санжар только махнул рукой и стал разливать чай.

– Всё хорошо, только это не по мне, – сказал гость. – Каждый божий день сидеть здесь... как в клетке. В золотой, но клетке...

Это был больной вопрос для Санжара. Из своих пятидесяти пяти лет он проработал в министерстве двадцать восемь.

И от начальника маленького отдела поднялся до заместителя министра. Он знал, что многие завидуют его положению. А сам все эти годы безуспешно пытался вернуться к профессии. Но отказаться от уже привычных вещей – персональной машины, правительственной поликлиники, отпусков в лучших санаториях, заграничных поездок и многого другого – было трудно.

– Ладно, времени в обрез, перехожу к делу... – сделал глоток чая, изменил направление разговора Шакир. – Хочу предложить тебе работу... У меня сейчас очень хороший заказ... Оч-ч-чень! Проект готов, надо только привязать его к местности...

Шакир вытащил из папки диск и направился к столу. Сев в кресло Санжара, включил компьютер.

– Иди сюда, посмотри, – поставил он диск в дисковод. – Помнишь, как мы мучились с этими эпюрами, чертежами, дурацкими рейсфедерами, отмывкой китайской тушью? А здесь – одно движение – и...

На экране монитора появился компьютерный логотип.

Санжар хорошо знал эту «левую», контрафактную, программу. В ней было несколько десятков проектов домов, коттеджей, вилл на любой вкус. Роскошные виртуальные строения можно было рассматривать с высоты птичьего полёта, снизу, с высоты человеческого роста. Одним нажатием кнопки на клавиатуре можно было «войти» внутрь дома, пройти по всем этажам и комнатам. Сменить колер фасада, за-

менить одну люстру на другую. «Оглядеть» холл с двумя лестницами при ночном и дневном освещении из любой точки. К тому же к каждому проекту прилагалась подробнейшая смета, начиная с итальянской черепицы, джакузи «под мрамор», автономной системы отопления и кондиционирования, кончая последним светильником из Чехии. Заранее было известно, во сколько обойдётся тот или иной дом, правда, по ценам нью-йоркской строительной биржи.

Шакир «пролистал» файлы, остановился на одном из проектов.

– Вот... Из всех заказчик выбрал этот.

На экране красовался трёхэтажный дом с колоннами над широким крыльцом и четырьмя коническими башенками по углам.

– Питеру Келлю понравилось именно это...

– Он иностранец?

– И да, и нет... – Шакир нажал на кнопку мыши, и здание начало двигаться по оси, давая возможность увидеть его со всех сторон. – Сам он из Ташкента. Обрусевший немец... Лет двадцать назад с семьёй уехал в Германию... Родители умерли, а Питера потянуло на родину. Богатый человек, но мужик хороший... Примерно нашего возраста.

– И где он собирается строить этот замок? – глядя на экран, спросил Санжар.

– Он купил несколько участков в Чимгане... Место отличное, сам увидишь...

– Ты говоришь так, будто я согласился...

– Санжар, менеджер Питера, пожелал, чтобы, кроме меня, в проекте принимал участие специалист по ландшафтной архитектуре...

– При чём здесь я? Во-первых, я давно этим не занимаюсь... Во-вторых, – с некоторым раздражением начал Санжар, но Шакир перебил его:

– Всё понимаю, не вчера родился. Положение вам, Санжар Умарович, не позволяет... Да никто и знать не будет, что ты большая шишка! Тебе что, деньги лишние помешают? Взятки брать ты так и не научился... Прости... Но я верю, что ты сможешь придумать что-нибудь интересное, нестандартное...

– Я могу найти тебе молодых, талантливых ребят...

– Ну что ты артачишься, честное слово! Посмотри хотя бы! Мы едем туда завтра... Я за тобой заеду... Бери с собой Хуршиду, Камола с женой... В любом случае пообщаемся, воздухом подышим... Познакомишься с Питером. Шашлычки на природе... Водка под огурчик!.. Ты ведь здесь скис! – обнял он Санжара за плечи. – Как ты там читал? «В горах моё сердце, отныне я там!..»

– Завтра тем более не могу, – Санжар взял со стола приглашительные билеты с золотым тиснением на конвертах. – На свадьбу надо идти. Так что извини...

Шакир вытащил из компьютера диск, положил его в папку.

– Жаль... Хотел тебя вытащить, поболтать... Ну на нет и суда нет... Привет Хуршиде – он сухо пожал руку и направился к двери.

Санжар представил вдруг, как он сидит в огромном зале, наполненном по большей части незнакомыми людьми. Как доводит до одурения громкая музыка, как бойкий ведущий в бабочке отпускает заезженные шутки или, закатив глаза, читает нудные стихи про «два сердца, которые нашли друг друга», как ему предоставляют слово, называя все его реальные и мнимые регалии, а он толком не знает ни жениха, ни невесту...

– Постой, Шакир... К чертям эту свадьбу! Я ведь могу сказать родственникам, что уехал в командировку?!

– Конечно!

– Я сам туда приеду...

Они договорились, где и когда встретятся, и Шакир торопливо ушёл.

... Долина выплыла, как всегда, неожиданно. Когда-то её называли «Двенадцать ключей». И тогда ещё не было этих многочисленных домов и домиков, ларьков, заборов, рекламных растяжек, металлических опор канатной дороги и девятиэтажных зданий пансионата с нелепо перпендикулярными формами.

Вдоль дороги по обочине шли девушка с букетиком полевых цветов и парень с гитарой за спиной. Девушка заметно прихрамывала, опираясь на плечо своего спутника. Она

оглянулась, приветливо улыбаясь, помахала рукой. Санжар остановил машину.

– Извините, не могли бы вы подбросить нас к центру? Я ногу натёрла... – сказала она с едва уловимым акцентом.

– Конечно, садитесь...

Они устроились на заднем сиденье. Салон моментально наполнился терпким запахом пижмы, душистой мяты, тонким, смешанным ароматом жёлтеньких и голубых цветов. Машина покатила под гору. Девушка, шепнув что-то парню, тихо засмеялась. Санжар невольно улыбнулся, глянув в зеркало на влюблённых. Девушка сняла бейсболку и поправила сбившиеся волосы. И Санжару на какой-то миг показалось вдруг, что он уже видел этот жест. Слышал этот счастливый смех. Видел эти смеющиеся глаза, эти ямочки на щеках...

Она заметила его взгляд и улыбнулась в ответ.

– У вас здесь очень хорошо! – подкрепила она улыбку словами.

– Да, я тоже люблю эти места.

Всю короткую дорогу влюблённые попутчики о чём-то шептались, склонившись друг к другу и переплетая пальцы рук.

Перед базарчиком девушка с парнем вышли.

На пяточке было многолюдно и шумно. Ржали лошади, на которых местные предприимчивые ребята предлагали отдыхающим прокатиться. Гудели машины, с трудом разворачи-

ваясь на дороге у стоянки. Из динамиков продавца кассет ухала музыка. Тяжёлый рок эхом разносился над холмами за канатной дорогой. Бродили подвыпившие компании, брэнча на гитарах. Дым от шашлычной висел над толпой.

– Спасибо, вы нас выручили... – девушка протянула деньги.

– Не надо...

Он смотрел им вслед до тех пор, пока они не затерялись в сутолоке праздной толпы. И снова Санжару показалась знакомой эта походка, эта манера поворачивать голову, несмотря на то что девушка прихрамывала... Такое с ним нечасто, но случалось. В редких снах и в реальности он словно заново переживал то или иное событие. Попадая в незнакомое место, обнаруживал, что когда-то, в тумане времени, он здесь уже был. Толчком к этому состоянию могла стать любая, самая неожиданная вещь: звук, слово, забытая мелодия...

Зазвонил мобильник.

– Санжик, привет, ты где? – послышался в трубке голос Шакира.

– Здесь, рядом с базарчиком...

– Не вижу...

– Под афишей, – Санжар прочитал: «Фестиваль бардовской песни».

– А, вот ты где! – услышал он и оглянулся. К нему сквозь автомобильное столпотворение торопливо пробивался Шакир. В первый момент Санжар не узнал друга. На голове кра-

совалась смешная шляпа с опущенными полями, пол-лица закрывали тёмные очки, на ногах – кроссовки в цвет с длинными шортами.

– Ты что, один? – обняв Санжара, спросил он, оглядываясь по сторонам. – А где Хуршида, Камол?

– Они же сегодня на свадьбу идут... Это я убежал... – засмеялся Санжар. – Из-за тебя, змей-искуситель!

– Так, Питер нас ждёт... Езжай за мной, здесь недалеко... Санжар завёл машину и двинулся следом за «Нексией» Шакира.

Они выехали на дорогу, ведущую в сторону Юсупхоны, обогнули крутой склон Малого Чимгана. Съехали с асфальта на грунтовку, которая петляла посреди миндальной рощи. Поднимая брызги, проехали разлившийся ручей.

И снова, уже в третий раз за это утро, Санжару показалось, что он знает это место, эту рощу, этот ручей. Сейчас, за поворотом он увидит одинокую старую орешину с большими камнями в корнях... А затем пойдёт длинный дувал... Потом – красная крыша с флюгером у трубы... Штакетник, заросший малиной, калитка, похожая на грот... И никакое это не дежавю, он был здесь! В горле вдруг пересохло. Санжар глотнул из баклажки воды... и увидел орешину... и дувал... и красную крышу... Только дувал был уже почти разрушен, и маленький трактор с рокотом вгрызлся в его останки.

У калитки стояли два джипа и старый «Москвич»-пикап, из которого парень выгружал пакеты и объёмистые сумки.

Санжар поставил машину рядом с «Нексией» Шакира.

– Ну вот и приехали, – Шакир снял очки. – Слева и справа по двадцать соток... Этот дом, плюс совершенно бесхозный склон... Это тупик, можно сказать, полная автономия... Классное место, а?

Санжар только кивнул в ответ.

– Мы тут такое сотворим! Все ахнут! – потирая руки, строил планы Шакир. – Пойдём, я тебя с Питером познакомлю...

Пригнувшись, они вошли в калитку.

Всё было как много лет назад. Узкая дорожка, выложенная камнем, с проросшей в щелях травой вела в сторону приземистого кирпичного дома. С левой стороны, у забора, росла орешина. В глубине двора, на солнечной стороне, виднелся огород с подвязанными кустиками помидоров, краснели бока болгарского перца, зелёными стрелками поднимался чеснок. Но большая часть участка была в тени, и сквозь кроны старых деревьев пробивались в дымку лучи утреннего солнца. Заросший лопухами и крапивой двор всё так же обрамлял высокий малинник. «Вы там осторожнее... – вспомнился хриплый голос хозяина этого дома. – У меня там змеи водятся...» Санжар мучительно пытался вспомнить имя этого человека. Но время стёрло его.

Во дворе возилось несколько человек. Кто-то из местных подметал дорожки, кто-то накрывал на старый теннисный стол бумажные скатерти, кто-то распаковывал одноразовые

тарелки и пластмассовые стаканчики.

Два человека, раздевшись до пояса, загорали на солнце, негромко переговариваясь по-немецки.

Подросток раздувал угли в мангале. Один из иностранцев навёл на него объектив фотокамеры. Мальчик с ещё большим усердием стал махать фанеркой над горящими углями.

– Барбекю? Кебаб? – проявлял любопытство немец.

– Кебаб, шашлык, джигар! – кивал головой маленький шашлычник.

– Дас ист зерр гут!

Пёс, взволнованный обилием гостей и манящими запахами, бегал, виляя обрубок хвоста, и словно улыбался.

Санжар оглянулся по сторонам в поисках хозяина дома, но его не было видно. Подошёл Шакир.

– Слушай, ты какой-то напряжённый, что с тобой? Давай, расслабься... – похлопал он Санжара по спине. – Вот и Питер... Пошли...

Он подвёл Санжара к человеку, который стоял спиной к ним у большого развесистого куста и ел ягоды спелой малины.

– Господин Келль! – кашлянул Шакир.

Человек оглянулся.

– Разрешите представить вам... Это Санжар Умарович Мансуров, тот, про которого я вам говорил... Специалист по ландшафту...

– Шакир, дорогой, мы же не на официальном приёме, –

поморщился человек и вытер платком красные от малинового сока губы. – Пётр, можно и просто Петя...

– Санжар...

– Очень приятно... – Питер внимательно посмотрел на Санжара своими серо-голубыми глазами, улыбнулся и крепко пожал руку.

– Пойдёмте, передохните с дороги, пивка холодного... Тузик, Тузик! Иди ко мне! Собаченция!

Он потрепал загривок пса, который тут же ответно лизнул его в лицо.

– Константин Иванович! – крикнул Питер, когда они проходили мимо крыльца. – Где вы там?

– Иду-у-у! – послышалось из дома.

«Дядя Костя! Ну конечно! Как я мог забыть?» – Санжар замедлил шаг, с нетерпением глядя в темноту распахнутой двери.

Дядя Костя... Командир связной роты, он вернулся с фронта в свой посёлок. От дома осталась одна печка. Никто не знал, где его жена и пятилетняя дочка. Один человек сказал ему, что, может быть, они успели эвакуироваться в тыл, куда-то в Среднюю Азию. Десять лет он искал семью. А потом забился в этот уголок у подножия горы, построил дом с флюгером и жил один. Из всех ближайших кишлаков несли ему в дом перегоревшие утюги, сломанные примусы и остановившиеся часы. Всё мог починить и исправить дядя Костя. Но главное, он ремонтировал телевизоры: «КВНы», «Тем-

пы», «Рекорды». Любой телевизор в те времена представлял большую ценность. Долгими зимними вечерами, особенно здесь, в горах, телевизор был единственным связующим звеном с остальным миром. И потому Константина Ивановича с уважением звали не иначе как «Телевизор-ака».

Константин Иванович появился на крыльце с тремя банками. В одной из них виднелись маринованные огурчики с пупырышками, в другой – грибы. Третью банку с помидорами он зажал под мышкой.

– Здравствуйте, Константин Иванович, – приветствовал хозяина Санжар.

– Здравствуйте, гости дорогие... – подслеповато щурясь, ответил старик и добавил, обращаясь к Санжару: – Помогите-ка мне...

Банки поставили на стол, и хозяин принялся открывать их. Искривлённые артритом пальцы плохо слушались старика.

– Давайте я... – Санжар взял из рук Константина Ивановича открывашку.

«Сколько же ему сейчас? Восемьдесят?.. Девяносто?..
Прошло столько лет...»

Почти не изменился, только лицо потемнело и сморщилось, словно яблоко на солнце, стало маленьким.

– Вы меня не помните, дядя Костя? Мы у вас два года подряд жили. У вас тогда и альпинисты базировались...

Хозяин дома сощурил глаза, взглянул на Санжара и пере-

вел взгляд на банку.

– Нет, не помню... Ты уж извини...

– Вы ещё ножи глотали... – попытался оживить его память

Санжар.

– Глотал, было дело... Теперь одни вот таблетки глотаю... – старик закашлялся.

Санжару хотелось спросить о племяннице его, Рите. Она жила где-то на Севере. И родители каждое лето отправляли её к дяде Косте: «В Ташкент, на фрукты и на солнце».

Старик выловил из банки огурец, попробовал его на зуб.

– Ух ты!.. Ядрёный! Эй, Петя! – закричал он. – Зови свою немчуру!

Вскоре у импровизированного стола собрались все гости.

– Огурчики, грибы, пожалуйста! А-ля фуршет, как говорится! Шнапс!

– Водка! Гут! Раша водка! Зерр гут!

– Э-э-э! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! –

Константин Иванович налил и себе. – Петя, как ты теперь будешь меня называть? Каким шкипером?

– Хаускипером, дядя Костя... Управляющим... – Питер подошел к нему, обнял за плечи.

– Короче... Хочу выпить за наших... Это... германских товарищей... Как говорится, рот-фронт! Но главное, за тебя, Пётр... – на глазах старика блеснули слёзы. – С приездом... Поехали...

Откинув по-гусарски локоть и резко выдохнув, он опро-

кинул стопку с тыльной стороны ладони так ловко, что немцы восхищённо переглянулись.

– Что-то мне все это не нравится... – шёпотом сказал Шакир, закусывая водку грибком. – Поговорить не успеем. – Он посмотрел на Санжара, тревожно спросил. – Да что с тобой сегодня? Бледный... Заболел, что ли?

– Нет... Всё в порядке... – Санжар произнёс это почти механически.

Как с резким порывом ветра, сквозь толщу дней, годов, десятилетий, Санжар вспомнил, как они спустились по незаметной тропе в «беседку». Так Рита называла свое заветное место на крутом склоне, под густым кустом шиповника, где на утоптанной площадке стояла скамейка... Оттуда было видно далеко-далеко. А их никто не видел. Он явственно услышал её шёпот: «Ты самый хороший... самый красивый... самый добрый... Если б ты знал, как я тебя люблю!.. А ты?» И одно воспоминание, как ненадёжный камень на склоне, вдруг потянуло за собой второе, третье, десятое! Он вдруг увидел себя будто со стороны. Как вырезал ножом дурацкую надпись на скамейке: «Рита + Санжар = Любовь!», поранив в самом конце из-за неловкого движения палец. Как Рита быстро надёргала листья подорожника, отсосала кровь и замотала порез. Как начался дождь, но они остались сидеть на скамейке, прижавшись друг к другу. Капли дождя, смешиваясь со слезами, стекали по её лицу. «Скоро домой... Дядя Костя взял билет на двадцать восьмое... Ты ещё прие-

дешь?» – «Да, конечно... Обязательно приеду...» – «Я тебя буду ждать...»

– Ну что, обсудим наши дела?

Санжар вздрогнул, поднял голову. Питер смотрел на него.

– Да-да, – засуетился Шакир. – Пойдёмте, я все приготовил...

Они расположились в тени орешины, у забора. Дядя Костя расстелил прямо на траве палас и курпачи, вместо стола поставил боком безглазый корпус от телевизора «Горизонт». Словно чувствуя нового хозяина, Тузик лёг рядом с Питером, положив голову ему на колени. Помощник Питера установил штатив с видеокамерой. Шакир открыл ноутбук, разложил бумаги, разноцветные фломастеры.

– Хочу представить вам разработанный мной комплексный план строительства... – Шакир тронул мышь, и на экране монитора появился знакомый дом с башенками.

На фоне виднелись горы, вершина Чимгана, по голубому небу плыли компьютерные облака. «Красиво... И когда это он успел? Шустряк!» – подумал Санжар и посмотрел на реакцию Питера. К его удивлению, Питер даже не смотрел в сторону компьютера, он увлечённо возился с Тузиком.

– Сам проект как бы утверждён, и я перехожу к конкретному плану и расположению дома на местности... – Шакир взял в руки фломастер и уверенными, быстрыми движениями нарисовал план. – Вот гора... Шоссе... От шоссе до нашего участка полтора километра, я предлагаю провести ас-

фальтированную дорогу. Чтобы спрямить повороты, придётся срезать вот этот склон, вырубить десяток деревьев, включая орешину... Через ручей надо будет построить мост и коллектор для подвода воды к центральному участку... Сам дом я предлагаю поставить вот сюда, на край склона, предварительно укрепив берег бетонным массивом...

Санжар сидел, опустив голову. Его раздражало всё. И этот набитый деньгами Питер, и его спутники со своим «Зерргут», и этот Шакир, готовый снести всё на своем пути ради жирного гонорара... И даже этот Тузик, быстро сориентировавшийся, кто здесь хозяин...

– Всё? – спросил Питер. И в одном коротком слове, в его интонации, Санжар уловил холод и недовольство.

– О ландшафтной разработке расскажет Санжар Умарович... – Шакир, видимо, тоже почувствовал неожиданно ухудшившееся настроение Питера и с надеждой взглянул на Санжара. – Так... Хотя бы предварительные намётки... Но я предполагаю, что здесь можно было бы построить целый каскад водопадов, постепенно переходящих в фонтан... Стену бетонированного склона можно будет использовать для бассейна... Отделочные материалы – газганский мрамор, туф из Армении... На третьем участке можно устроить теннисный корт... Сауну, тренажёрный зал, солярий... Ну, в общем, по высшему разряду...

Питер сказал что-то помощнику. Тот поднялся и пошёл в дом.

– Послушай, Шакир... – Питер ласково потрепал загривок пса. – Спасибо за проделанную работу, но я решил ничего не строить здесь... Пусть всё остаётся как есть... Ну, разумеется, полный ремонт...

– И крышу, крышу... – торопливо добавил Константин Иванович. – Течёт, зараза!

– И крышу, естественно... – улыбнулся Питер.

– Но... Но как же так? – Шакир нервно закрутил в руках фломастер. – Мы ведь договорились, Питер... Ничего не понимаю... Что произошло?

– Ничего, – спокойно ответил Питер. – Просто я так решил.

– Но я... Мы работали... – фломастер в руках Шакира сломался.

– Только, ради бога, не волнуйся... Ваша работа будет оплачена...

К нему подошёл помощник и передал два конверта.

– Вот, это тебе... – протянул он Шакиру увесистый конверт. – А это вам...

– Мне ничего не надо, – поднимаясь, отказался Санжар. – Я ничего не сделал...

– Как знаете... – Питер вернул конверт помощнику.

Шакир как-то сразу успокоился, даже улыбнулся. Аккуратно закрыл свой ноутбук, уложил в сумку-футляр, конверт с деньгами спрятал в боковом кармане.

– Жаль, конечно... – вздохнул он. – Но, как говорится,

хозяин – барин. Разрешите откланяться...

– Гутен таг! – послышался весёлый голос.

Санжар оглянулся. Во двор вошли девушка и парень, которых он подвозил.

Питер подошёл к ним, что-то сказал, показывая на часы, недовольно качая головой. Девушка поцеловала его.

– Папочка, ну извини... Мы с Эрихом так хорошо погуляли... На лошадях покатались, с хорошими ребятами познакомились... Здесь же фестиваль бардовской песни... Эрих даже спел! Правда, вне конкурса...

Она перешла на немецкий и спросила о чём-то Эриха. Тот закивал головой, стал оживленно рассказывать своим землякам, показывая большой палец: «Гут!»

– Дядя Костя, я вам купила ваши ужасные, противные сигареты! – девушка вытащила из сумки несколько пачек дешёвых сигарет. И в этот момент увидела Санжара.

– Ой! – изумлённо воскликнула она. – А вы как здесь?.. Так вы к нам ехали?!

– Выходит, так... – Санжар улыбнулся.

Питер удивлённо посмотрел на дочь, перевёл взгляд на Санжара.

– Знала бы, поехала с вами... Хотя нет! Хорошо, что вы нас там оставили! – она засмеялась и обернулась к отцу. – Этот человек подвёз нас до пансионата! И денег не взял...

– Это у него привычка такая – денег не брать, – усмехнулся Шакир.

– Моя дочь Аня... Анна... – представил девушку Питер, – а это её жених, Эрих.

– Приятно познакомиться, – девушка протянула руку.

Санжар и Шакир тоже представились.

– Анечка, ты оказалась абсолютно права, – сказал Питер дочери. – Господа архитекторы полностью согласились с твоей идеей ничего здесь не менять...

– Ну и правильно! Сейчас в моде английский сад... Никаких ровных линий, полная асимметрия, камни, дерево – ближе к природе! Но цветы я здесь посажу!

– Ну что, поехали? – с нетерпением спросил Шакир.

– Куда же вы? – Аня покачала головой. – Я никуда вас не отпущу... Вы – наши гости...

– Нет, у меня сегодня важная встреча... – вежливо отказался Шакир и обернулся к Санжару. – Если хочешь, оставайся...

– Конечно, оставайтесь... – расставляя в банки цветы, сказала Аня.

...Вечером отключили электричество. Хозяин дома вытащил «летучую мышь». Немцы разожгли костёр на площадке у дома. Эрих играл на гитаре, помощник Питера – на губной гармошке. Обнявшись за плечи, они распевали свои песни, раскачиваясь в ритм мелодии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.